

БЕЛОРУССКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Андрей Скриба*

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Анна Дроздова**

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

© А.Скриба, 2020 г.

© А.Дроздова, 2020 г.

DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-150-166

Аннотация На протяжении долгого времени исследования внешней политики Белоруссии развивались в логике неореализма, учитывая структурные факторы, или внешнюю среду, и, в крайне усеченном виде, внутреннюю среду. Особенности белорусской политической системы – так называемой суперпрезидентской персоналистской республики, где власть в значительной мере сконцентрирована в одних руках, – делали бессмысленным изучение широкого спектра иных внутренних акторов, слабо влияющих на процесс принятия внешнеполитических решений. Однако политический кризис, произошедший в Белоруссии во второй половине 2020 г., со всей остротой поставил вопрос о неизбежной эволюции и трансформации внутренней общественно-политической среды страны. Результатом этого процесса станет и большая вовлеченность во внешнеполитическое планирование «скрытых акторов», пока еще не заявлявших о себе. Предсказать то, когда и в каком именно формате это произойдет, не представляется возможным. Тем не менее новые политические обстоятельства в Белоруссии повышают актуальность изучения этих акторов, их запросов, интересов, а также того, как это связано с нынешней и возможной будущей внешней политикой белорусского государства.

Ключевые слова внешняя политика, Белоруссия, политическая система, внутренние акторы, неореализм, внешнеполитический анализ, постсоветское пространство, Россия, ЕС

* Скриба Андрей Сергеевич – старший научный сотрудник: Центр комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук. Автор для корреспонденции: askriba@hse.ru.

Andrei Skriba is a Senior Research Fellow at Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Corresponding author: askriba@hse.ru.

** Дроздова Анна Владимировна – стажер-исследователь Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Anna Drozdova is an Intern Researcher at the International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, National Research Institute of the National Research University Higher School of Economics, Moscow.

Title	Foreign Policy of Belarus and the evolution of its domestic political environment
Abstract	For a long time, the research of Belarusian foreign policy evolved within the framework of neorealism, with the main attention paid to structural factors (external environment) and, to a very limited extent, to internal environment. The specifics of the Belarusian political system – the so-called superpresidential personalist republic, where power is concentrated primarily in hand of one person – made it meaningless to study the vast variety of other domestic actors, who hardly influenced the foreign policy decision-making process. Nevertheless, the political crisis in Belarus in the second half of 2020 has raised a critical question of inevitable evolution and transformation of the domestic socio-political environment. The result will be greater involvement in the foreign policy making of those “hidden actors” who haven’t yet come into the spotlight. It is not possible to predict the format or timing of this to happen. However, new political circumstances in Belarus increase the relevance of studying such actors, their demands, interests, and potential links to the current or future foreign policy of Belarus.
Keywords	foreign policy, Belarus, Lukashenko, political system, domestic actors, neorealism, foreign policy analysis, post-Soviet space, Russia, the EU

I. Введение

За последние четверть века белорусская внешняя политика уже стала сформировавшимся феноменом. По мере становления независимой Белоруссии постепенно вырабатывались основные стратегии и подходы к отношениям с другими странами, принципы международной деятельности, условия участия в региональных интеграционных группировках. На этой основе сложились те общие характеристики внешней политики, которые оставались в достаточной мере устойчивыми, чтобы стать предметом исследования.

В этот период связанные с белорусской внешней политикой проблемы уступали по своей остроте некоторым другим проблемам отношений на постсоветском пространстве. Тем не менее они оставались актуальными сразу по двум причинам. Во-первых, внешняя политика Белоруссии важна в контексте конкуренции между Россией и условным коллективным Западом (в сфере экономики и интеграции РФ с ЕС и его отдельными странами-членами, в сфере безопасности – в контексте отношений РФ с НАТО, США и их европейскими союзниками). То, приоритетность какого из двух направлений, или векторов, (российского или западного) для Минска повышалась на том или ином этапе, влияло на расстановку сил на более широком региональном уровне.

Во-вторых, белорусская внешняя политика интересна в сравнительной ретроспективе. Белоруссия – не единственная страна постсоветского пространства, чья внешняя ориентация, как экономическая, так и политическая, влияла на отношения России с западными странами. Однако белорусский подход сильно контрастировал с подходами других республик бывшего СССР в восточноевропейском регионе (в данном случае, в Восточную Европу включены и республики Южного Кавказа). Понимание причин такого контраста было актуальным как для России, искавшей возможности усилить или хотя бы сохранить свое влияние на постсоветском пространстве, так и для стран Европейского Союза, которым было важно развить успех в том же регионе в рамках так называемой политики соседства.

В исследованиях белорусской внешней политики всегда присутствовали две основные точки зрения. С одной стороны, считалось, что белорусская внешнеполитическая стратегия однонаправленна и вполне стабильна. Налицо было медленное, но поступательное развитие экономической интеграции с Россией, участие в организациях, в которых РФ играла лидирующую роль (Евразийском экономическом союзе – ЕАЭС, Организации Договора о коллективной безопасности – ОДКБ), т. е. все то, чего не наблюдалось в отношениях с европейскими странами. Такой интерпретации придерживались и российские государственные органы, включая Министерство иностранных дел (МИД), и президент В.Путин, называвший своего белорусского визави не иначе как «последовательным сторонником интеграции».¹

С другой стороны, за почти четверть века такой интеграции, которая началась с создания институциональных рамок Союзного государства России и Белоруссии в 1996–1998 годах, уже стало нормой, что движение в сторону России шло, по большей части, экстенсивно. Тот уровень и формат сотрудничества, которые сложились между двумя странами к началу 2020-х годов, был достигнут еще в конце 1990-х годов.² Далее стороны расширяли его, скорее, количественно, за счет таких формальных показателей, как объем товарооборота, а качественной и интенсивной интеграции не происходило. Более того, даже экстенсивное сотрудничество не было линейным. Со стороны Минска оно часто прерывалось обострениями в отношениях, конфликтами, резкими и конъюнктурными заявлениями, в том числе в публичном поле. Иными словами, в то время как белорусская внешняя политика на системном уровне казалась предсказуемой и неизменной, в действительности она характеризовалась частыми и порой весьма существенными колебаниями, которые трудно игнорировать.³

Исследованию самой внешней политики Белоруссии было посвящено немало работ. В них исследовались и структурные региональные факторы,⁴ и особенности белорусской политической системы сквозь призму потребностей политического режима.⁵ Учитывая все эти особенности, внешняя политика все чаще, и небезосновательно, стала рассматриваться как продолжение политических целей и интересов конкретного человека – бессменного президента страны А.Лукашенко.

К концу 2020 г. исследовательский фокус, по вполне объяснимым причинам, сместился на внутреннюю ситуацию в Белоруссии. Политический кризис, разразившийся в результате президентских выборов, («политический» в том смысле, в котором в принципе можно употреблять слово «политика» применительно к белорусской внутренней среде), стал, по сути, первым и неожиданным, но чрезвычайно серьезным вызовом самой государственной модели. Он оказался настолько сильным, что сразу же поставил вопрос о конституционной реформе и проведении новых выборов, перспективы участия в которых президента А.Лукашенко неясны. Именно о новой конфигурации власти в Белоруссии развернулась основная дискуссия и в экспертно-научных кругах.

Логично предположить, что перенастройка политической системы отразится и на внешней политике Белоруссии. Речь идет не только и даже не столько об исследовании конкретных инструментов реализации внешней политики или о тех акторах, чьи внешнеполитические интересы приобретут больший вес или окажутся приоритетными в случае принятия новой конституции – тем более, что в условиях продолжающегося кризиса, это трудно поддается прогнозированию. Более перспективными и актуальными представляются исследования самих акторов и их внешнеполитических предпочтений, тогда как ранее, на протяжении более чем

двух десятилетий, принятие решений в Белоруссии, так или иначе, сводилось к взглядам узкого круга лиц, а порой и вовсе одного единственного лица.

Исследование широкого круга белорусских акторов может прояснить, какими были и как работали внешнеполитические запросы внутри страны, и ответить на вопрос о том, что эти запросы смогут значить в новых внутривнутриполитических условиях. Для решения этих задач, данная статья построена следующим образом. В первом разделе рассматривается круг основных акторов, способных влиять (непосредственно или опосредованно) на принятие внешнеполитических решений с учетом специфики белорусской политической системы. Второй раздел посвящен изучению внешнеполитических запросов и ожиданий со стороны этих акторов, а также объяснению того, какое место в их запросах занимает внешняя политика. Делается вывод о том, что внешняя политика в Белоруссии воспринимается не только как вещь в себе и самоцель, но и как инструмент достижения определенных целей внутреннего развития. В третьем разделе анализируется текущая политическая турбулентность в Белоруссии и то, как она может отразиться на вовлечении других акторов в процесс принятия внешнеполитических решений. В заключительном, четвертом разделе рассматриваются запросы изучаемых акторов через призму того, какие варианты решения внутренних проблем могут предложить внешние партнеры Белоруссии.

II. Методы исследования белорусской внешней политики: вскрываем «черный ящик»⁶ в поисках «скрытых акторов»

Исследования белорусской внешней политики традиционно строились не на методе внешнеполитического анализа, а, скорее, на основе неореалистического подхода.⁷ Его суть заключается в учете как внешней среды (независимая переменная, создающая рамки для внешнеполитических решений), так и внутренних условиях (промежуточная, или «влияющая», переменная, которая оказывает давление на принимающее внешнеполитическое решение лицо). Эти переменные вместе влияют на внешнюю политику государства.

В случае Белоруссии такой подход, однако, не всегда был адекватен реалиям. Специфика белорусской системы позволяла президенту принимать решения, в т. ч. внешнеполитические, практически самостоятельно. Это было обусловлено как конституционными полномочиями президента, так и внутривнутриполитической ситуацией, которая не оказывала на Лукашенко реального давления (о причинах отсутствия такого давления см. ниже).

В результате складывалась ситуация, когда в стране, работающей по французской модели XVII века «*l'État c'est moi*» («Государство – это я»)⁸ и сводящей национальные интересы к политике централизованного государства-Левиафана, объяснение внешней политики, так или иначе, сводилось только к двум аспектам. Одним из них была внешняя среда, которая ставила для Белоруссии рамки внешнеполитического поведения. Это могли быть как объективные ограничения (невозможность одновременной экономической интеграции сразу и с Россией, и с ЕС), так и возможности (повышение собственной значимости и ценности для каждой из сторон через попеременный отказ от сотрудничества с ее конкурентом – политика конъюнктурного балансирования между двумя центрами силы).

Вторым ключевым фактором оставалась внутренняя среда. Однако в данном случае объекты исследования сокращались всего до одного ключевого политика (Лукашенко), что во многом сводило весь анализ к теории рационального выбора – попытке понять, какое именно внешнеполитическое решение будет наиболее

выгодно для белорусского президента. Слабое место этого подхода общеизвестно: часто при использовании такого метода исследователь моделирует то, как поступил бы сам на месте исследуемого объекта, что снижает объективность получаемого результата. Таковы были реалии белорусской политики, и, за неимением иных, исследования были вынуждены адаптироваться к этим реалиям.

Однако в то время как логика поведения Лукашенко, в т. ч. внешнеполитического, оказалась относительно хорошо изучена, иные источники белорусской внешней политики почти не рассматривались. С одной стороны, это было вполне логично, учитывая специфику государственного устройства, не оставлявшую какой бы то ни было субъектности для иных «источников». С другой стороны, знание предпочтений и запросов этих «скрытых акторов» полезно для и лучшего понимания нынешней ситуации в стране (например, при ответе на вопрос о том, насколько текущая внешняя политика соответствует национальным интересам в широком смысле этого слова) и для моделирования возможных внешнеполитических шагов в будущем, когда внутривнутриполитическая среда может позволить «скрытым акторам» выйти из тени.

Кого можно отнести к такого рода «скрытым акторам»? Во внешнеполитическом анализе, как и в теории неореализма, к ним относятся те, кто может оказывать воздействие на принимающее решения лицо. Чаще всего упоминаются следующие составляющие (элементы): оппозиция, лоббисты интересов отдельных экономических (коммерческих) групп, бюрократия, политическая элита в широком смысле, которая даже в рамках правящей партии или группировки может оказаться неоднородной. Рассмотрим подробнее эти составляющие в белорусской внутривнутриполитической среде.

Оппозиция в Белоруссии сама по себе едва ли может стать объектом исследования. Те, кто считается системной оппозицией, не имели возможности влиять на внешнеполитические решения и соответствующего опыта. Внесистемная оппозиция не является объектом исследования по той же причине. Однако если посмотреть на ситуацию глубже, то можно сделать вывод, что как власть, так и оппозиция во внутренней и внешней политике отражают интересы своего электората. Иными словами, власть принимает решения, выгодные для собственного электората, а оппозиция давит на власть в интересах своего, причем каждая из сторон пытается в результате борьбы расширить электоральную базу. Таким образом, не имея возможности исследовать взгляды и позиции активной оппозиции, можно, тем не менее, рассмотреть *общественное мнение* в тех вопросах, которые прямо или косвенно связаны с внешней политикой Белоруссии.

Обнаружить в Белоруссии те экономические группы (лоббистов), которые имеют собственные взгляды и запросы относительно внешней политики, также непросто. Все сформировавшиеся за прошедшие четверть века экономические группы можно разделить на две условные категории. Первая – *крупные государственные предприятия*, которые (а) дают работу населению и в некоторых случаях являются градо- или секторообразующими и (б) дают прибыль в государственный бюджет за счет торговли на внешних рынках (внутренний рынок в Белоруссии для этого слишком мал). Вторая категория – это медленно, но поступательно развивавшиеся в первые десятилетия XXI века *малые и средние предприятия* (МСП). Чаще всего в этом случае упоминается технологический сектор (IT) как витрина успеха частных предприятий в стране (или, корректнее сказать, при политическом режиме), где частный сектор не считается чем-то заслуживающим внимания и поддержки.⁹ Однако и без IT доля МСП и их вклад в

белорусскую экономику постепенно росли, делая их потенциально весомым актором.

Одну из ключевых ролей в белорусской политической системе играет бюрократия. Пожалуй, это единственная группа, которая не нуждается в обосновании собственной значимости для процесса принятия внешнеполитических решений в любом государстве. Важность так называемой бюрократической политики, которая объясняет взаимодействие между разными акторами (министерствами, ведомствами, чиновниками), давно стала одной из основ внешнеполитического анализа.¹⁰

Наконец, последний актор – элита в широком смысле этого слова. Как и в случае белорусской оппозиции, особенность персоналистского режима в суперпрезидентской республике оставляет немного пространства для деятельности политических элит. Однако, в отличие от оппозиции, которую в рамках нашего исследования удалось обоснованно заменить на общественное мнение, широкая элита в Белоруссии оказалась заменена единственным политиком, решения которого многие годы были главным предметом научных исследований.

Таким образом, в исследовании так называемых «скрытых акторов» основное внимание будет уделено общественному мнению (населению), экономическим группам (которые поделены на две условные группы – крупные государственные предприятия и МСП) и бюрократии.

III. Интересы и запросы акторов внутри Белоруссии и их связь с внешнеполитическим курсом страны

(а) Общественное мнение

Исследования общественного мнения и его связей с внешней политикой в Белоруссии следует начинать с двух важных вводных. Во-первых, в Белоруссии рубежа 2010-х – 2020-х годов все официальные опросы общественного мнения могли проводить только те организации, которые аккредитованы государственными органами. Это снижает уровень достоверности официальных опросов из-за невозможности их независимой верификации. Альтернативные данные доступны, но позволяют проследить тренды общественного мнения без учета последних нескольких лет.

Вторая вводная – это реактивный характер общественного мнения в Белоруссии. В условиях сложившейся политической системы модель принятия решений работала в обратной последовательности, по сравнению с классической: сначала президент принимал (или озвучивал) решение без предварительных публичных обсуждений, после чего объяснял собственное решение через государственные СМИ, остававшихся, вплоть до 2020 г., самым массовым каналом донесения информации. Такая государственная политика не только в меньшей степени подвержена независимому общественному мнению, но и делает его зависимым от подачи информации. Это подтверждается, например, изменением уровня одобрения интеграции с ЕС или Россией, которое следовало в результате очередного разворота белорусского руководства и смены им тактики во внешней политике.

Не менее важными представляются два других вопроса. Какие принципиальные позиции можно обнаружить у белорусского населения по

внешнеполитическим вопросам? Каким образом на протяжении стольких лет властям удастся вполне успешно игнорировать общественное мнение?

Ответ на первый вопрос включает в себя три составляющие. Во-первых, относительно приоритетов внешней политики белорусское общество условно разделено на приблизительно две равные группы (если не считать отдельные скачкообразные сдвиги предпочтений, связанные со знаковыми региональными событиями типа присоединения Россией Крыма): на тех, кто поддерживает сближение с Россией, и тех, кто поддерживает сближение с ЕС.¹¹ Такое разделение сформировалось еще с конца 2000-х годов, когда прежде преобладавшая поддержка интеграции с Россией снизилась до уровня 40%±10%.¹² На этом же уровне оказалась и поддержка европейского вектора.¹³

Во-вторых, в ходе опросов белорусы демонстрировали высокую приверженность суверенитету и независимости страны. Хотя между российским и европейским (условным западным) векторами сохранялся паритет, население, в целом, отрицательно относилось к перспективам как *объединения* с Россией, так и *интеграции* с ЕС (доля противников в каждом из двух случаев в 2010-е годы выросла до 50%, тогда как доля сторонников в среднем оставалась в диапазоне 30–35%).¹⁴

Третьим важным моментом является преобладающая (на уровне 65–70%) доля поддержки интеграции с ЕС со стороны молодежи,¹⁵ при том, что в динамике уровень поддержки обоих вариантов оставался приблизительно равным. Это может означать один из двух не взаимоисключающих вариантов: либо сторонники интеграции с ЕС из числа молодых людей эмигрируют и, таким образом, выпадут из дальнейших опросов, либо по мере взросления (т. е. перехода в другую опросную группу) и более основательного включения в экономику страны, где доминирует государство, молодые люди меняют свою точку зрения.

Последнее особенно интересно в контексте второго вопроса о модели взаимоотношений между властью и обществом, в рамках которой мнение последнего не столько учитывалось, сколько подвергалось воздействию. Причина этого видится в многолетнем социальном контракте между действующей властью и населением, по которому власть обеспечивала стабильный (хотя и невысокий, по сравнению почти со всеми соседями за исключением Украины) доход и стабильные условия жизни, что выигрышным для власти образом транслировалось через СМИ.

Оставляя за скобками информационную и политическую составляющую этого социального контракта, обратим внимание на следующее: именно его исполнением белорусское руководство обосновывало любые, даже самые конъюнктурные, внешнеполитические решения. Так, отказ от углубления интеграции с Россией мотивировался стремлением добиться лучших условий сотрудничества ради народной пользы, а развитие политических контактов с европейскими странами и США (в частности, по чувствительной для России теме безопасности) или Китаем (по не менее чувствительной для России экономической повестке) аргументировалось необходимостью искать альтернативные источники инвестиций и новых торговых партнеров.

Таким образом, можно классифицировать основные внешнеполитические запросы, исходящие со стороны белорусского общества. Во-первых, это суверенитет; во-вторых – развитие такого экономического/политического сотрудничества с зарубежными странами, которое будет способствовать исполнению социального контракта и улучшению (или, по крайней мере,

стабильности) уровня жизни. Вопрос о том, как соотносятся эти запросы, и какие из них являются для людей более важными, оставим пока открытым.¹⁶

(б) Экономические группы интересов

Итак, в экономической сфере присутствуют две группы интересов с противоположными взглядами на выбор партнеров: крупные государственные предприятия и малый и средний бизнес.

Чтобы оценить внешнеполитические предпочтения представителей первой группы, проведения специальных опросов не требуется. Достаточно упомянуть, что белорусская промышленность создавалась еще во времена СССР как часть единого народнохозяйственного комплекса большой страны. Эта промышленность с самого начала была весьма развита, но в то же время зависима от внешних сил сразу в двух ключевых отношениях – в плане импорта сырья, которого в Белоруссии почти нет (за исключением калийной соли) и рынков сбыта готовой продукции. После распада СССР все эти проблемы сохранились.

Крупные белорусские предприятия можно разделить на две значимые группы. В первую входят те, которые импортируют сырье из России, а затем перерабатывают и экспортируют продукцию в страны ЕС или другие государства. Это, прежде всего, касается нефти и нефтепродуктов. Второй сегмент представлен компаниями, которые импортируют из России сырье и/или детали для производства готовой продукции. Для таких товаров рынком сбыта чаще всего становились либо сама Россия, либо третьи страны.

Запросы управляющего этими предприятиями менеджмента (если его отделять от обезличенного государства в процессе принятия решений), как и их сотрудников (если и их отделять от остального населения), сводились к нескольким ключевым составляющим: обеспечить загруженность предприятий (чтобы они продолжали бесперебойно работать), их развитие (инвестиции) и прибыльность (для чего предприятие должно не просто торговать, но и наращивать объемы продаж). Все эти три компонента и, прежде всего, второй и третий, так или иначе завязаны на внешних партнерах.

Разумеется, было немало таких государственных предприятий, для которых внешние связи имели меньшее значение и которые либо работали на внутренний рынок, либо не зависели в критической степени от импорта. Интересы таких предприятий можно свести к получению инвестиций и защите от внешней конкуренции, при приоритете в пользу привлечения инвестиций, поскольку в перспективе простые протекционистские решения не защищают подобные предприятия от более конкурентоспособных частных компаний.

Что касается белорусского малого и среднего бизнеса, то МСП слишком разнородны, чтобы обнаружить у них общие внешнеполитические запросы. Инвестиции, ресурсы и рынки сбыта – все это актуально для МСП в не меньшей степени, чем для государственных предприятий. Однако следует понимать, что белорусский частный сектор за четверть века вырос, прежде всего, в несырьевых отраслях, где не было высокой зависимости от импорта, а рынки сбыта МСП, работающих на международном рынке (например, в сфере IT), не ограничивались лишь ближайшими странами.

Пожалуй, главный запрос МСП, который может быть связан с внешней политикой и вопросами интеграции, заключается в потенциально противоречивых последствиях открытия границ и развития торгово-экономического сотрудничества с другими странами. Одним МСП это могло бы принести однозначную выгоду

(из-за упрощения правил выхода на большой рынок), другим не принесло бы ничего, кроме ненужной конкуренции (зарубежные компании, которые придут на белорусский рынок, поставят национальный малый и средний бизнес в менее выгодные условия). По результатам опросов первой половины 2010-х годов сократилось число представителей белорусских МСП, считавших, что интеграция Белоруссии в ЕАЭС положительно повлияет на их работу, а около половины из них заявляли о неспособности эффективно конкурировать на едином рынке союза.¹⁷

(в) Бюрократия

Участие бюрократии в процессе принятия внешнеполитических решений хотя и было пассивным на протяжении всего исследуемого периода, однако именно его проще всего объяснить с точки зрения внешнеполитического анализа. Бюрократия в белорусской политике – это первый этап распределения в рамках социального контракта. Таким образом, она оказалась одним из главных бенефициаров той политической системы, которая сложилась в стране.

В силу специфики политической системы особенностью белорусской бюрократии является ее полная встроенность в государственный аппарат без возможности формулировать реальную политику, будь то внутреннюю или внешнюю. Несмотря на формальное наличие в стране политических партий, принятие широкого спектра законодательных и исполнительных решений сконцентрировано, причем вполне конституционно, на уровне президентской ветви власти. Также можно констатировать низкий уровень патримониальных связей между бюрократией и бизнесом,¹⁸ что является следствием борьбы с коррупцией.

Отсюда можно сделать вывод, что во внешней политике мнение бюрократии не менее реактивно по сравнению с мнением населения, хотя верифицировать эту гипотезу на основании данных опросов не представляется возможным.

При этом внутри бюрократии также можно обнаружить отдельные небольшие группы, которые в силу своих профессиональных обязанностей активно работают над развитием отношений с определенными странами. Считается, например, что российское направление и отношения с Москвой находятся под непосредственным контролем главы государства,¹⁹ тогда как белорусский МИД активно занимается вопросами налаживания отношений между Минском и европейскими странами, США, другими государствами. По этим направлениям были достигнуты определенные успехи, и наработанные контакты и интересы сохранятся при любой политической конфигурации.

В целом, можно заключить, что главный интерес бюрократии – реализация такой внешней политики, которая позволит ей сохранить или улучшить собственный статус распределителя ренты, а также увеличить саму ренту.

IV. Влияние политического кризиса и конституционной реформы на внешнюю политику

Белорусский политический кризис, ставший следствием президентской кампании августа 2020 г., уже стал знаковым событием в истории страны. Дело не только в том, что один из самых стабильных постсоветских режимов внезапно оказался не готовым к массовым протестам и неспособным с ними справиться. Важно и то, что этот кризис, когда и как бы он ни закончился, повлечет за собой перестройку всей политической системы и в т. ч. будет иметь неизбежные последствия для процесса формирования внешнеполитических решений и,

потенциально, самой внешней политики. Некоторые российские исследователи отмечали такого рода перспективы еще до выборов, принимая во внимание обострение противоречий между властью и обществом.²⁰

Начнем с объявленной конституционной реформы. Следует отметить, что намерение провести такую реформу с перераспределением полномочий от президента к другим ветвям и уровням власти было озвучено еще до президентских выборов.²¹ В свете событий, развернувшихся после выборов, гораздо больше, чем тогда, оснований полагать, что такая реформа состоится. Во-первых, имеет место сильное внутреннее давление на власть со стороны части населения и, возможно, некоторых других акторов, которые видят в протестах осени 2020 г. большие риски для своего статуса и материального положения. Во-вторых, усилилось внешнее давление. С одной стороны, речь идет о ЕС, США и многих других странах условного Запада, которые не признали итогов выборов, а Лукашенко – легитимным президентом. С другой стороны, Россия, которая в диалоге с Лукашенко так и не смогла существенно продвинуться в вопросах интеграции двух стран на протяжении первых десятилетий XX века, заинтересована в возможности влиять на внешнюю политику через различных акторов. Наконец, в-третьих, специфика любого персоналистского режима заключается в его зависимости от личности лидера. Поэтому любая политика в Белоруссии без Лукашенко (или с его иной ролью) потребует перераспределения полномочий.

Важно и то, что политический кризис прямо связан с кризисом того социального контракта, на котором многие годы зиждилась белорусская политическая стабильность. В данном контексте можно отметить как внутренние факторы (смена поколений, низкая эффективность экономической модели), так и внешние: усугубленный мировой пандемией экономический кризис, падение спроса на белорусские, как и иные, товары на зарубежных рынках, отсутствие или крайне ограниченные возможности привлекать финансовые или даже кредитные ресурсы, которые в условиях их дефицита у потенциальных «спонсоров» стали окончательно неотделимы от соответствующих политических условий.

Отдельно можно отметить роль новых медиа вкупе с фактором естественного обновления политически активного электората. В условиях очередного для Белоруссии экономического кризиса государственные СМИ уже не справляются с информационным сопровождением официальной государственной политики и оказываются малоэффективными в сдерживании протестных настроений населения.

Поэтому, помимо перераспределения полномочий в ходе конституционной реформы, просматривается также изменение роли акторов в политической системе. Можно предположить, что в зависимости от ее новой конфигурации возрастет внимание к избирательному процессу (именно его закрытость для конкуренции и непрозрачность стали катализатором начала протестов в августе 2020 г.) и к модели, предполагающей более широкую репрезентативность спектра мнений в различных государственных органах. На данный момент дискуссионным является вопрос о степени и формах этой репрезентативности. Самый популярный из публично обсуждаемых в Белоруссии вариантов – усиление роли партий в политике.²²

Еще один дискуссионный вопрос заключается в том, какие именно акторы получают больше возможностей влиять на политическую, в т. ч. внешнеполитическую повестку. Не менее важен и вопрос о том, какие из этих акторов (при гипотетическом равном доступе к участию в выработке или влиянию

на принимаемые решения) окажутся более политически активными. Опыт некоторых других постсоветских стран (например, Украины) показал, что молодежь и сторонники европейского вектора внешней политики оказываются более активными и настойчивыми в давлении на принимающих решения лиц, хотя опросы общественного мнения демонстрировали иные результаты, а интересы многих предприятий лежали в направлении другого, российско-евразийского вектора.

Сравнивая белорусский опыт с опытом других постсоветских стран, нельзя не отметить, что нынешний кризис, в отличие от многих так называемых цветных революций, не связан с внешнеполитическими вопросами напрямую. В случаях Украины, Молдовы и Грузии одним из самых сильных триггеров протестов были коллизии относительно предвыборной внешнеполитической повестки кандидатов. В случае с белорусским протестом внешнеполитическое измерение (если не считать заявления власти о поддержке протестующих из-за границы) в протестной активности явно не просматривается.

Главной причиной массовых протестов, таким образом, стал именно кризис социального контракта и государственной управленческой модели, оказавшейся не в состоянии этот социальный контракт обеспечивать (или хотя бы убедить население в том, что он выполняется). Как было отмечено в предыдущих разделах, именно удовлетворительное исполнение властью социального контракта и эффективность государственного аппарата были залогом низкой заинтересованности и реактивности общественного мнения и пассивности других акторов по внешнеполитическим вопросам. В условиях кризиса белорусской политической модели можно предположить, что внешняя политика со временем станет одним из важных вопросов повестки значимых акторов (или отдельных групп внутри этих акторов) сквозь призму восстановления социального контракта и обеспечения его исполнения.

Итак, эволюция внутриполитической среды и ее итоговая трансформация в новую политическую систему сделает процесс принятия решений в Белоруссии более инклюзивным, хотя вопрос о степени инклюзивности пока остается открытым. Учитывая те экономические проблемы, которые сегодня испытывает страна, значимость внешней политики во взаимосвязи с внутренней не только не снизится, но, напротив, еще более возрастет.

V. Внешняя политика в новой политической системе

Вывод о том, что «скрытые акторы» в перспективе смогут играть более активную роль во внешней политике, ставит закономерный вопрос о том, как это может повлиять на положение Белоруссии в региональной системе международных отношений.

На региональном уровне действуют два основных конкурирующих центра силы: Россия и условный Запад (прежде всего, ЕС). Соперничество между Москвой и Западом за влияние на белорусскую внутреннюю и внешнюю политику останется актуальным. Более того, политические трансформации в самой Белоруссии, какими бы они ни оказались и к какому результату не привели бы, будут восприняты каждым из конкурирующих центров, скорее, как окно возможностей для усиления позиций на белорусском направлении.

Предсказывать то, как именно сложится белорусская внешняя политика через год и более, сейчас не представляется возможным. Пока не хватает данных и присутствует слишком много неизвестных переменных, включая глубину и масштаб

запланированной конституционной реформы. Также многое будет зависеть от возможностей и способностей Москвы и стран Запада оказывать влияние на соответствующих внутренних акторов и через них стимулировать нужные внешнеполитические решения. Это будет зависеть от инфраструктуры и каналов взаимодействия с этими акторами или отдельными группами внутри них.

Вместе с тем проведенный краткий анализ запросов «скрытых акторов» позволяет определить те факторы, от которых *может* зависеть движение Белоруссии в том или ином геополитическом направлении. Для этого за основу взят вывод предыдущего раздела о том, что внешняя политика для внутренних акторов является не самоцелью или вещью в себе, а фактором или инструментом восстановления (или создания нового) социального контракта и поддержки его выполнения.

Каким образом внешние партнеры могут предоставить такую поддержку? Анализ отношений Белоруссии и некоторых других стран постсоветского пространства (Украины, Молдавии, Грузии) с Россией и странами коллективного Запада (ЕС как институтом, отдельными странами ЕС, США, теми региональными и международными организациями, где голос западных стран очень весом) позволяет обнаружить принципиальное отличие между различными моделями поддержки страны в совокупности с их влиянием на модель государственного развития страны-реципиента.

Россия в 2000-е и 2010-е годы, в первую очередь, оказывала Белоруссии ресурсную поддержку в виде льготных цен на сырье и энергетические ресурсы, поставок электроэнергии, несвязанных (т. е. предоставленных без дополнительных условий) кредитов. В дополнение к этому можно также упомянуть о льготном доступе белорусских товаров на российский рынок. Такая помощь сопровождалась меньшей, по сравнению с Западом, степенью российского вмешательства во внутренние дела, о чем регулярно напоминал МИД РФ в том смысле, что политическим режимам и элитам постсоветских стран предоставлялась возможность решать вопрос о внутреннем устройстве своих государств. Взамен Москва ожидала участие этих стран в пророссийских интеграционных проектах, в первую очередь, в ЕАЭС и ОДКБ.

Со стороны стран Запада основным предметом помощи были не сырьевые ресурсы, сколько возможности встраивания данных стран в общий рынок, при условии и в результате соответствующих внутренних преобразований. Предполагалось, что эти преобразования (реформы) будут способствовать повышению качества государственного управления в молодых постсоветских странах. Такая увязка в гораздо большей степени, чем в случае с помощью РФ, ставила под вопрос политическую самостоятельность таких стран в вопросах принятия решений о собственном развитии, но привлекала многих из тех внутренних акторов, которые считали руководство своей страны неспособным самостоятельно справиться с проблемами государственного управления.

Запросы со стороны белорусских «скрытых акторов», в целом, вписываются в такую вариативность внешних «предложений». У всей совокупности акторов есть запрос на улучшение собственного уровня жизни, но они по-разному видят роль внешней политики в достижении этих целей.

Для *бюрократии* основным источником ее статуса и положения в системе распределения доходов (ренты), а также источником самих этих доходов была белорусская политическая система, сложившаяся при А.Лукашенко. С этой точки зрения, бюрократы в меньшей степени заинтересованы в помощи при определении формата реформ и в большей мере опираются на внешнюю ресурсную помощь,

которую в нынешних условиях может предоставить только Россия. Парадокс заключается в том, что именно рентная бюрократия и ее невысокая эффективность во многом стали причиной кризиса белорусской государственной модели, резко обострившегося во второй половине 2020 г. Иными словами, опора внешнего центра силы на бюрократию может как усилить российский внешнеполитический вектор, так и отвратить от него другие, пока не определившиеся части белорусского общества.

Государственные предприятия также относительно слабо заинтересованы в реформировании политической и экономической системы, поскольку в новых условиях их существование из-за неконкурентоспособности на мировом рынке может быть признано нецелесообразным. Решение своих проблем (которые в 2010-е годы лишь усугубились)²³ большинство из них видело в сохранении статус-кво, привлечении средств для модернизации и гарантированном доступе к сырью и рынкам сбыта – т. е. в том, что, по большей части, ассоциируется с российской моделью. Таким образом, каким бы прагматичным в последние годы некоторым исследователям ни казался европейский подход,²⁴ для бюрократии и госпредприятий именно более глубокая интеграция с Россией виделась вполне естественным путем решения внутренних проблем.

С этой точки зрения может согласиться и та *часть населения*, которая, в целом, удовлетворена политическим развитием независимой Белоруссии. Напомним, что по итогам выборов 2020 г. у действующего президента, даже по данным неофициальных и независимых опросов,²⁵ сохранялось немалое число сторонников. Будучи незаинтересованными в реформах, они также скорее выберут «ресурсное» решение внутренних проблем, чем альтернативный путь.

Однако, как показали протесты второй половины 2020 г., есть и другая, и весьма значительная, *часть населения*, которая не готова согласиться с сохранением статус-кво или с «косметическими» реформами государственной модели и политической системы. Очевидно, к этой группе можно отнести и представителей *МСП* и в целом любого негосударственного бизнеса, заинтересованных в лучших условиях работы на внутреннем рынке. Внешнеполитическую повестку эти акторы рассматривают сквозь призму поддержки в проведении нужных реформ и защиты от прихода иностранного капитала. При этом нельзя сказать, что эти группы однородны в своей поддержке европейского вектора. Речь идет, скорее, о том, что ЕС и страны Запада на данный момент являются, по сути, единственными «экспортерами» такого вида помощи.

В поддержку реформистского подхода и западного вектора могут также выступить *отдельные группы бюрократии и представителей государственных предприятий*, которые в более глубоком реформировании политической системы видят для себя не только риски, но и возможности (например, связанные с приватизацией и большей политической ролью в принятии решений). В этом, пожалуй, состоит главное ограничение «ресурсной» модели помощи: запрос на нее слишком широк, чтобы удовлетворить всех, и находится в большой зависимости от качества будущего государственного управления. Любые проблемы, связанные с таким качеством, будут подталкивать внутренних акторов к поиску нового для себя места в системе и стимулировать запросы на создание таких мест через более глубокие внутренние реформы.

VI. Заключение

Белорусское общество, бизнес-круги и группы экономических интересов внутри государственного сектора, бюрократия – все эти акторы на протяжении многих лет независимости Белоруссии не имели политической субъектности и не влияли на принятие внешнеполитических решений. Часть из них была встроена в политический режим на условиях неактивности, другие соглашались с внешнеполитическим курсом до тех пор, пока он соответствовал их интересам.

В условиях кризиса второй половины 2020 г. белорусская политическая система начала движение в сторону трансформации. От глубины и масштаба этой трансформации будет зависеть то, какие из перечисленных акторов и в какой степени смогут оказывать влияние на внешнюю политику Белоруссии, артикулируя свои запросы и ожидания от ее реализации. Каким бы ни был итог эволюции внутривнутриполитической среды, можно предположить, что, в конечном счете, белорусская внешняя политика станет более инклюзивной и национальной в широком смысле слова, тем самым выйдя за рамки видения национальных интересов отдельным политиком.

Современный политический кризис в Белоруссии часто ассоциируют с «цветными революциями» на постсоветском пространстве. Это и так, и не так. Сравнение допустимо лишь с той точки зрения, что правящий политический режим находится под давлением и за его реконфигурацией наблюдают все внешние игроки. Однако сам по себе внешний фактор, включая запросы на изменение внешней политики, в этом кризисе напрямую не просматривается.

По завершении политического кризиса Белоруссия отнюдь не обязательно изменит свои внешнеполитические приоритеты, однако и отсутствие изменений гарантировать нельзя. Будущее белорусской внешней политики на данный момент невозможно спрогнозировать, однако можно изучить те запросы и мнения относительно внешней политики страны, которые формировались в рамках уже уходящей политической системы на протяжении двух десятилетий. Такого рода мнения, запросы и интересы отдельных акторов не исчезнут в одночасье и продолжат оставаться актуальными.

Белорусский пример позволяет сформулировать и более широкую гипотезу, требующую дополнительного подтверждения. Речь идет о том, что возникающие в постсоветских странах политические кризисы не связаны *напрямую* с внешней политикой этих стран или с их геополитическим выбором как таковым. Причины связаны, скорее, с национальными элитами молодых государств, которые своей внешней политикой неспособны угодить всем запросам (что вполне объективно в условиях ценностной и культурной дифференциации населения) и, кроме того, не могут сделать внешнюю политику таким инструментом развития, который служил бы страховкой от внутренней турбулентности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Путин считает Лукашенко последовательным сторонником интеграции с РФ // РИА Новости. 27.01.2012. URL: <http://ria.ru/politics/20120127/550192846.html>.

² Примечательно, что почти все договоры и институты Евразийского экономического союза, появившиеся на полтора десятилетия позже, не стали для отношений России и Белоруссии более высоким уровнем интеграции по сравнению с форматом Союзного государства.

³ Для примеров таких внешнеполитических колебаний см.: Гронский А.С. Отношения Белоруссии с Европейским Союзом и США (1992–2018 гг.): от дистанцирования к дрейфу на Запад // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 2. С. 71–97.

⁴ Скриба А.С., Алтухов А.О. Влияние геополитических противоречий между Россией и ЕС на участие постсоветских стран в региональной экономической интеграции // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 2. С. 51–70; Allison R., White S., Light M. Belarus between East and West // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. V. 21. № 4. 2005. P. 487–511.

⁵ Иоффе Г. Авторитаризм без олигархии // *Pro et Contra*. 2011. № 3–4. С. 45–46; Коктыш К.Е. Трансформация политического режима в Республике Беларусь, 1990–1999. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 108; Неменский О.Б. «Последний союзник»: российско-белорусские отношения на современном этапе // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. Т. 9. № 5. С. 24–40; Marples D.R. Is the Russia-Belarus Union obsolete? // *Problems of Post-Communism*. V. 55. № 1. 2009. P. 25–35.

⁶ Под термином «черный ящик» (англ. – black box) в теории международных отношений подразумевается подход, при котором внутривластная структура (бюрократия, личность лидера) рассматривается для того, чтобы рассмотреть внутренние предпосылки для принятия внешнеполитических решений.

⁷ Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // *World Politics*. V. 51. № 1. 1998. P. 144–172; Романова Т.А. О неоклассическом реализме и современной России // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 3. С. 8–21.

⁸ Фраза, приписываемая Людовику XIV.

⁹ С самого начала своего президентства Лукашенко акцентировал необходимость контроля над развитием частных предприятий, резко критикуя частный сектор и бизнесменов как экономический феномен. Хотя в 2000-е – 2010-е годы процесс встраивания частных предприятий в политическую систему и продвигался, президент все еще демонстрировал недоверие к частным предприятиям и продолжал политику ужесточения регулирования по отношению к ним. См., например: Лукашенко разменял третий десяток // *Gazeta.ru*. 10.07.2014. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2014/07/10_a_6108669.shtml; «Красные директора», олигархи, друзья из Forbes: частный бизнес и Лукашенко в проекте «Четверть века» // *Tut.by*. 27.06.2019. URL: <https://news.tut.by/economics/643329.html>.

¹⁰ Zelikow P., Allison G. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. – N.Y.: Longman, 1999.

¹¹ Если бы Вам пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский Союз, что бы Вы выбрали? // *Динамика белорусского общественного мнения по некоторым социально-экономическим и политическим проблемам (по результатам национальных опросов НИСЭПИ)*. Бюллетень Инфофокус № 12. Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). URL: <http://www.iisepts.org/?p=114>.

¹² Если бы завтра состоялся референдум об объединении Беларуси и России, как бы Вы проголосовали? // *Динамика белорусского общественного мнения*. Бюллетень Инфофокус № 12. НИСЭПИ. URL: <http://www.iisepts.org/?p=114>.

¹³ Если бы завтра состоялся референдум об объединении Беларуси и России, как бы Вы проголосовали? // *Динамика белорусского общественного мнения*. Бюллетень Инфофокус № 12. НИСЭПИ. URL: <http://www.iisepts.org/?p=114>.

¹⁴ Если бы завтра состоялся референдум о вступлении Беларуси в Европейский Союз, как бы Вы проголосовали? // *Динамика белорусского общественного мнения*. Бюллетень Инфофокус № 12. НИСЭПИ. URL: <http://www.iisepts.org/?p=114>.

¹⁵ Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение. Ред. О.Манаев. – СПб: Невский простор, 2011. С. 230–231.

¹⁶ Еще одним важным открытым вопросом является ценностная дифференциация. На примере событий на Украине можно видеть значение, которое может играть нерациональное поведение населения, продиктованное, скорее, ценностными, чем материальными установками. Исследование этого же феномена на примере Белоруссии требует проведения соответствующих опросов.

¹⁷ Эти оценки были менее пессимистичными для компаний-экспортеров, что подтверждает гипотезу о высокой дифференциации между белорусскими МСП как по запросу на интеграцию *per se*, так по вопросу о направлении такой интеграции. Подробнее см.: Белорусский бизнес 2015: состояние, тенденции, перспективы. – Минск: Исследовательский центр ИПМ (Исследования. Прогнозы. Мониторинг), 2015. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/Business2015r.pdf>.

¹⁸ Иоффе Г. Две «не России» // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16. № 3. С. 144–158.

¹⁹ Gromadzki G. Belarusian foreign policy-change or continuity // Back from the Cold? The EU and Belarus in 2009. Ed. S.Fischer. Chaillot Paper № 109. November 2009. – Paris: European Union Institute for Security Studies, 2009. P. 93–104. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp119.pdf>.

²⁰ Шаншиева Л. Беларусь 2020: Коронавирус и большая политика // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. № 57. С. 20–25.

²¹ Лукашенко: представленные мне изменения в Конституцию недостаточно решительные // Belta. 26.07.2020. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-predstavlennye-mne-izmeneniya-v-konstitutsiju-nedostatochno-reshitelnye-396342-2020>.

²² Встреча с политическим активом страны // Президент Республики Беларусь [Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь]. 16.09.2020. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-politicheskim-aktivom-strany-24526.

²³ Пылин А.Г. Белорусский бизнес в ЕАЭС как фактор региональной интеграции // Инновации и инвестиции. 2019. № 10. С. 92–97.

²⁴ Басов Ф.А. Развитие отношений Евросоюза и Белоруссии // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 69–75.

²⁵ Платформа «Голос» предоставила итоговый отчет о выборах президента // Tut.by. 20.08.2020. URL: <https://42.tut.by/697429>.

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

1. Allison R., White S., Light M. Belarus between East and West // Journal of Communist Studies and Transition Politics. V. 21. № 4. 2005. P. 487–511. DOI: 10.1080/13523270500363411.
2. Basov F.A. Razvitiye otnosheniy Evrosoyuza i Belorussii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. V. 63. № 9. P. 69–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-69-75.
Басов Ф.А. Развитие отношений Евросоюза и Белоруссии // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 69–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-69-75.
3. Dinamika belorusskogo obshchestvennogo mneniya po nekotorym sotsial'no-ekonomicheskim i politicheskim problemam (po rezul'tatam natsional'nykh oprosov NISEPI). InfoFocus Bulletin № 12. Nezavisimyi institut sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy (NISEPI). URL: <http://www.iisepts.org/?p=114>.

- Динамика белорусского общественного мнения по некоторым социально-экономическим и политическим проблемам (по результатам национальных опросов НИСЭПИ). Бюллетень Инфофокус № 12. Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). URL: <http://www.iiseps.org/?p=114>.
4. Gromadzki G. Belarusian foreign policy-change or continuity // Back from the Cold? The EU and Belarus in 2009. Ed. S.Fischer. Chaillot Paper № 109. November 2009. – Paris: European Union Institute for Security Studies, 2009. P. 93–104. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp119.pdf>.
 5. Gronskiy A.S. Otnosheniia Belorussii s Evropeiskim Soiuzom i SSHA (1992–2018 gg.): ot distantsirovaniya k dreifu na Zapad // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2019. V. 12. № 2. P. 71–97. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-71-97.
Гронский А.С. Отношения Белоруссии с Европейским Союзом и США (1992–2018 гг.): от дистанцирования к дрейфу на Запад // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 71–97. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-71-97.
 6. Ioffe G. Avtoritarizm bez oligarkhii // Pro et Contra. № 3–4. 2011. P. 29–49.
Иоффе Г. Авторитаризм без олигархии // Pro et Contra. 2011. № 3–4. С. 29–49.
 7. Ioffe G. Dve "ne Rossii" // Rossiia v global'noi politike. V. 16. № 3. 2018. P. 144–158.
Иоффе Г. Две «не России» // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16. № 3. С. 144–158.
 8. Koktysh K.E. Transformatsiya politicheskogo rezhima v Respublike Belarus, 1990–1999. – Moskva: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2000.
Коктыш К.Е. Трансформация политического режима в Республике Беларусь, 1990–1999. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
 9. Marples D.R. Is the Russia-Belarus Union obsolete? // Problems of Post-Communism. V. 55. № 1. 2009. P. 25–35. DOI: 10.2753/PPC1075-8216550103.
 10. Molodezh' i grazhdanskoye obshchestvo v Belarusi: novoye pokoleniye. Ed. O.Manaev. – St.Petersburg: Nevskii prostor, 2011.
Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение. Ред. О.Манаев. – СПб: Невский простор, 2011.
 11. Nemenskiy O.B. "Poslednii soyuznik": rossiisko-belorusskiye otnosheniya na sovremennoy etape // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. V. 9. № 5. 2016. P. 24–40. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-24-40.
Неменский О.Б. «Последний союзник»: Российско-белорусские отношения на современном этапе // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 5. С. 24–40. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-24-40.
 12. Pylin A.G. Belorusskii biznes v EAES kak faktor regional'noi integratsii // Innovatsii i investitsii. № 10. 2019. P. 92–97.
Пылин А.Г. Белорусский бизнес в ЕАЭС как фактор региональной интеграции // Инновации и инвестиции. 2019. № 10. С. 92–97.
 13. Romanova T.A. O neoklassicheskom realizme i sovremennoi Rossii // Rossiya v global'noi politike. № 3. 2012. P. 8–21.
Романова Т.А. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. С. 8–21.
 14. Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // World Politics. V. 51. № 1. 1998. P. 144–172.
 15. Shanshieva L. Belarus' 2020: Koronavirus i bol'shaya politika // Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy. № 57. 2020. P. 20–25.
Шаншиева Л. Беларусь 2020: Коронавирус и большая политика // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. № 57. С. 20–25.
 16. Skriba A.S., Altukhov A.O. Vliyaniye geopoliticheskikh protivorechiy mezhdru Rossiyei i ES na uchastiye postsovetских stran v regional'noi ekonomicheskoy integratsii // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. V. 12. № 2. 2019. P. 51–70. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-51-70.
Скриба А.С., Алтухов А.О. Влияние геополитических противоречий между Россией и ЕС на участие постсоветских стран в региональной экономической интеграции // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 51–70. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-51-70.
 17. Zelikow P., Allison G. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. – New York: Longman, 1999.